

**ОТНОШЕНИЕ К ТВОРЧЕСТВУ А. П. ЧЕХОВА
В СРЕДЕ НОВОЙ РУССКОЙ ИММИГРАЦИИ В США
В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА**

М. Р. Боровский

Атланта — большой мегаполис с населением порядка 8 миллионов человек. Это столица штата Джорджия и неофициальная столица Юга США.

К началу XXI века здесь собралось большое количество русскоязычных иммигрантов из бывших республик СССР, в основном, из России и Украины. Более-менее точной статистики нет, но по различным косвенным оценкам численность этой группы населения в Большой Атланте достигала к 2010 году 20-30 тысяч человек. Сюда следует добавить не на много меньшую группу иммигрантов из стран Восточной Европы, большинство образованных людей которой в разной степени владели русским языком.

Немалую часть выходцев из СССР составляла научная и творческая интеллигенция. Редкий факультет в многочисленных атлантских университетах не имел профессоров, преподавателей и научных сотрудников, свободно владеющих русским языком. Причём в равной степени это касалось точных, технических, естественных и гуманитарных наук.

Боровский Михаил Рудольфович — журналист, писатель, член Союза писателей Республики Крым, г. Ялта

Не удивительно, что в городе возникла русская культурная среда и соответствующая ей инфраструктура. Открылось множество русскоязычных учреждений и заведений культуры, искусства, образования: кружков, студий, школ и даже театров.

Автор данного доклада в описываемые годы жил в Атланте и работал заместителем главного редактора популярного русскоязычного литературного и общественно-политического журнала «Сова», приблизительного аналога советского журнала «Огонёк».

В 2010 году редакция журнала «Сова» решила отметить 150-летие со дня рождения А. П. Чехова выпуском специального юбилейного номера.

Как справедливо заметил Сомерсет Моэм, «Чеховых было много». Он имел в виду, что у каждого любителя и ценителя русской литературы есть «свой» Чехов. Помня об этом, автор доклада в преддверии юбилея обратился к нескольким русскоязычным деятелям литературы и искусства Атланты с просьбой буквально в двух-трёх словах поделиться с читателями журнала своими мыслями о замечательном классике русской литературы. Конкретнее, требовалось ответить на два вопроса: «Что для вас значит Чехов?» и «Значение чеховского творческого наследия сегодня».

Редакция получила ответы от семи респондентов. Материалы прислали:

– театральный режиссёр, создатель и руководитель театра «Metropolis» в Атланте **Продан Димов**;

– писатель, главный редактор «Русского литературного журнала в Атланте» **Геннадий Петров**;

– известный детский поэт, главный редактор газеты «Русский дом» **Лев Рахлис**;

– историк, драматург, киносценарист **Владимир Резников**;

– актриса театра и кино, руководитель школы искусств «Solo School of Art and Drama» **Екатерина Серебрякова**;

– журналист и редактор **Александра Ходорковская**.

Ниже приведён краткий обзор наиболее интересных мест из рассуждений наших респондентов [1].

Доктор психологии, болгарский режиссёр **Продан Димов** отметил, что трижды ставил спектакли по Чехову и все три раза в 21-ом веке. Он особенно любит рассказы А. П. Чехова и считает, что «в пьесах Чехова всё тоже самое, только заключённое в драматургические рамки». П. Димов считает, что сейчас недостаточно часто ставят Чехова, как в Болгарии, так и в России, не говоря уже о США. Он объясняет это тем, что «Чехова нельзя ставить плохо. Если ставить Чехова плохо, он выглядит скучным. Многих режиссёров отпугивает сильное внутреннее действие в пьесах Чехова. Герои Чехова часто ведут простые поверхностные разговоры и совершают простые действия. Но в тоже время происходят глубокие внутренние движения в их душах. Пока герои пьют чай, их сердца разбиваются. Герои об этом не говорят, но это происходит. И актёру необходимо это точно показать, донести до зрителя, но не всем и не всегда это удаётся».

П. Димов сравнивает постановки Чехова в начале двух веков — 20-го и 21-го. Он приходит к выводу, что постановки этих периодов сильно отличаются, и находит этому

объяснение: «У нас сейчас иной, ускоренный образ жизни. И сценические действия в современном спектакле должны быть очень быстрыми, сконцентрированными, интенсивными. Для этого нужна совершенно иная атмосфера на сцене. Авторская мысль, его философия не должны претерпевать изменения. Меняться должен способ их выражения. Режиссёр должен концентрировать внимание зрителей на высоком уровне, стимулируя очень быстрое восприятие происходящего на сцене. Если в начале прошлого века на сцене допускались минутные и даже двухминутные паузы, то сегодня невозможно остановить действие ни на одну секунду».

Следующие слова П. Димова можно адресовать всем молодым режиссёрам, берущимся за постановку Чехова: «Современный режиссёр не может позволить поставить спектакль хуже, чем это делали до него. Он обязан хотя бы придерживаться уже установленного уровня!»

Геннадий Петров уже в заголовке своего наброска называет А. П. Чехова «человеком из будущего». Он говорит о «неуступчивой, но и абсолютно ненавязчивой независимости» прозы Чехова. Г. Петров считает, что в пору зрелости, «полного расцвета своего литературного творчества», Чехов вошёл повестью «Степь» — «поразительно живописной и поэтической».

Далее Петров утверждает, что «если мы хотим выстоять под нарастающим напором агрессивного лицемерия и циничной неразборчивости целей, нам необходимо следовать чеховской внимательности к противоречиям между словом и делом, чеховскому здравому смыслу, чеховскому творческому трудолюбию, чеховской спокойной отстранённости от соблазнов

честолюбия и властолюбия, чеховской независимости от обещаний, призывов и команд, на которые так горазды нынче разнообразные крикливые лидеры и истеричные “духовные вожди”».

Лев Рахлис — поэт и редактор с большим жизненным опытом. Он человек почтенного возраста, на данный момент разменявший уже девятый десяток лет. Он старомоден, изыскан и предельно честен. Он очень внимателен к окружающим его людям и ко всему происходящему вокруг. Он единственный из наших респондентов написал о том, о чём знают многие, но, особенно в юбилейные дни, предпочитают не говорить:

«Библиотекари утверждают, что читательский спрос на произведения Чехова заметно сократился. Возможно, это и так. Но, совершенно уверен, что писатель в этом несколько не виноват. Скажу больше. В Атланте, например, не читают не только Чехова, но и многих других авторов, потому что чтение для нашей русскоязычной публики в реестре предпочтений занимает одно из чуть ли не последних мест».

Владимир Резников — кандидат исторических наук, редактор и сценарист, прислал в ответ на наши вопросы самый объёмный опус, который даже пришлось сокращать. В нём он отметил, что «по Чехову, ко всему можно привыкнуть, но нельзя равнодушно наблюдать, как унижают человека, как глумятся над человеческим достоинством, как без всякого смысла убивают птицу». В. Резников считает, что в современном мире «негромкие, неэффективные финалы Чехова оказываются очень востребованными на фоне отчаянных погонь

и перестрелок...». Интересно его наблюдение о том, что «эти “невыигрышные” финалы оказываются созвучными, например, национальному характеру англичан с их склонностью к недосказанности и нежеланием расставлять все точки».

Екатерина Серебрякова — актриса и самый молодой участник опроса. В 2010 году ей было 30 лет. Она сравнила себя и своих сверстников с чеховскими героями: «Мы бываем так же гонимы чувствами, так же глупо и глубоко счастливы, и несчастны, самоуверенны или до дрожи не уверены в себе, жадны и бескорыстны, дружелюбны и враждебны, открыты и завистливы, — одним словом, “человечны”».

Александра Ходорковская — писатель и журналист, прислала свой материал в виде трогательного письма А. П. Чехову. В начале письма она вспоминает, как ей в детстве отец впервые прочёл рассказ «Ванька», а заканчивается письмо воспоминанием о том, как она читала «Ваньку» своему маленькому сыну:

«Много лет назад я открыла слегка потрепанную книгу, на обложке был нарисован мальчик. “Так, — сказала я сыну. — «Ванька»”. И все повторилось — мы опять плакали навзрыд. Потом я показала ему Ваш портрет. “Это мой самый любимый писатель — Антон Павлович Чехов”. Маленькие пальчики потрогали фотографию. “Ты его любила?” — ревниво спросил мой пятилетка. “Любила? Почему, любила? У меня с Антоном Павловичем неоконченный роман”».

Отдельно следует упомянуть ответы наших респондентов на вопрос о современности творчества А. П. Чехова.

Владимир Резников, историк и драматург:

«Ну, кого в наши дни может волновать имевший место сто лет тому назад конфликт вокруг небольшого земельного владения? Это после того, что стряслось, что случилось за минувшие сто лет?! После того, что происходит каждый день с нами и вокруг нас?! Волнует, однако».

Геннадий Петров, писатель:

«...с каждым последующим десятилетием популярность и слава, авторитет и влияние чеховского творчества и самой его личности в русской, европейской, мировой культуре неуклонно ширятся и возрастают».

«... великий писатель... обращается к нам не из прошлого, а из будущего, и не как “великий учитель человечества”, а как мудрый, сердечный и великодушный друг каждого из нас, а, значит, и всех нас — в любых испытаниях, на любых поворотах и переломах нашей всё более сложной и непредсказуемой жизни».

Лев Рахлис, поэт и редактор:

«...Очень грустный рассказ (“Ванька” — М. Б.). И очень современный. Как, впрочем, и всё творчество Чехова».

Продан Димов, театральный режиссёр:

«Для меня Чехов — очень современный автор. Я вижу, что все его идеи живы и не потеряли своей актуальности. Мы по-прежнему иронически относимся к бездельникам, лентяям, людям, бесцельно проживающим жизнь. Многие люди бездействуют, чего-то ждут, заменяют поступки пустыми разговорами. Это современные чеховские герои».

Продан Димов не только режиссёр, он учёный — доктор психологии, защитивший диссертацию по психологии творче-

ских методов различных театральных школ. Он анализирует и объясняет популярность чеховской драматургии в современном мире:

«Режиссёр... выступает как переводчик того, что когда-то написал автор, на язык современности. В хорошо поставленном спектакле режиссёр продолжает и развивает философию автора, но излагает её на самом современном языке. При этом он обеспечивает метафизическую связь между автором, собой и зрителем».

Екатерина Серебрякова, актриса и педагог:

«Чехов современен, а, значит, всегда нов. Готовясь в театре “Метрополис” к спектаклям по Чехову, мы поразились его прозорливости, иронии, юмору и любви к нам, не к героям пьес, а к нам, молодым людям 21-го века».

«Сейчас в нашей русской школе искусств “Solo School of Art and Drama” мы занимаемся со старшей группой чеховскими произведениями. Ребята плотно погружены в материал и открывают для себя его современность. Театр с Чеховым неназойливо учит жить, и мы рады, что Чехов вошёл в их жизнь. Придёт время, и мы будем гордиться своими воспитанниками!».

В начале доклада мы упомянули, что обратились к семи респондентам, а далее обсудили ответы лишь шести из них. Но респондентов действительно было семь. Седьмым был известный филолог, литературовед, критик, лингвист, эссеист, философ и т. д., и т. п. Сам он себя чаще всего любит называть культурологом. Это профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори в Атланте. На просьбу редакции

ответить на два вопроса он прислал по электронной почте письмо без каких-либо прикрепленных файлов. Прямо в самом письме, без всяких приветствий и обращений, после заголовка: «Пошлость Чехова» шёл текст:

«Чехов изобрёл способ говорить пошлости безнаказанно, вызывая сочувствие к своей грусти, как будто намекая, что за пошлостью должно быть что-то еще, какой-то прорыв, надежда, небо в алмазах и пр., но прямо высказать этого нельзя, поскольку все сказанное будет звучать как пошлость, и по этому поводу надо опять-таки грустить и надеяться».

Поборов искушение после первого абзаца процитировать весь текст полностью, приведу лишь несколько характерных цитат из него:

«Чехов научился писать фразы типа “на дворе накрапывал дождь” (из “Ионыча”) так, что в них воспринимается некая легкая издевка по отношению к той пошлости, которая в них заключена».

«Там, где Чехов-мыслитель подписывается под программой малых дел, присоединяется к светскому идеалу, Чехов-писатель демонстрирует пошлость светского идеала. Но при этом чеховская речь остается в строгих, почти уже канонических рамках пошлости, которую выдают лишь внезапные скачки с одного уровня пошлости на другой, от “всё должно быть прекрасно” до “давайте спать”».

«Чехов удивительно умеет “сворачивать на пошлость” даже авторов, во всем ему противоположных, например, Мережковского, который посвятил ему очерк “Асфодели и ромашка”, имея в виду, что Чехов — это простая и чистая ромашка среди

декадентских асфodelей. Разве не пошлость эта “ромашка Чехов”?».

Заканчивался текст следующим абзацем:

«И лишь новое поколение российских писателей, казалось бы, нашло ключ к Чехову, постигло, что великий обличитель пошлости сам был вполне на уровне того, что обличал и о чем грустил. Но и подобные обличения Чехова — “сам такой!” — тоже несут на себе отпечаток бессмертной чеховской пошлости, от которой никуда не денешься. Даже обличая ее, сам как будто повторяешь чеховские фразы. “Да, брат... Жизнь обывательская затянула нас...”. О Достоевском, Гоголе, Пушкине просто нельзя говорить на том же уровне, что о Чехове, они требуют другого разговора».

В литературоведческих кругах давно обратили внимание на нелюбовь М. Эпштейна к Чехову. Еще в 1999 году он опубликовал большую статью в двух номерах журнала «Звезда» и получил за неё премию журнала как за лучшую публикацию года [2]. Чеховеды по-разному пытались объяснить эту нелюбовь. Один из самых последовательных критиков М. Эпштейна Аркадий Костерин выражает надежду, что его критика» будет полезна Михаилу Эпштейну для дальнейшего осмысления своей концепции и выбора адекватных формулировок» [3].

Е. В. Невзглядова рассуждения М. Эпштейна назвала «агрессивным непониманием Чехова» [4].

Игорь Яковлевич Лосиевский, называя М. Эпштейна «интересным, парадоксальным и сверхконцептуальным», его рассуждения о Чехове считает малоубедительными. Примечателен один из выводов И. Лосиевского: «Кажется, выдуманый

М. Эпштейном Чехов “совратил на пошлость его самого”» [5]. Обратите внимание на то, что М. Эпштейн «выдумал» для себя Чехова, и на то, что М. Эпштейн грешит пошлостью, кто бы его на это не «совратил»! Впрочем, Эпштейн далеко не первый. Именно об этом и писал М. Горький И. Бунину: «Очень прошу, напишите Вы об Антоне Павловиче — право же это необходимо как противовес той пошлости, которой залепили глаза и уши публики господ газетчики и надмогильные языкоблуды» [6]. Так и хочется добавить: «и культурологи»!

Итак, были отмечены «совращённость» и «неадекватность» М. Эпштейна, непонимание им творчества Чехова. Позволим себе добавить сюда ещё одну гипотезу: в основе нелюбви к творчеству Чехова лежит личная обида. Мы не станем здесь разбирать суть этой обиды. Лишь отметим, что личная обида культуролога начала XXI века на классика конца XIX века свидетельствует о непреходящей современности А. П. Чехова!

Литература

1. Боровский М. Р. Наш Чехов // М. Р. Боровский // Сова. 2010, — № 52. С. 29–38.
2. Эпштейн М. Н. Русская культура на распутье. Секуляризация, демонизм и переход от двоичной модели к троичной.
3. Секулярность и пошлость. Чеховское // М. Н. Эпштейн // Звезда. 1999. — №1. С. 216–220, — № 2. — С. 155–176 — 1999.
4. Невзглядова Е. В. Эвтерпа с черного хода. Заметки о прозе. // Е. В. Невзглядова // Новый мир. 2000, — № 8.

5. Лосиевский И. Я. Михаил Эпштейн, русская культура на распутье, секуляризация и переход от двоичной модели к троичной.

6. Секулярность и пошлость. Чеховское // Звезда, 1999. — № 1. С. 216–220 // Книжное обозрение. // И. Я. Лосиевский// Чеховский вестник. –1999. — № 5. С. 1972–2001

7. Горький А. М. Письмо И. Бунину // Цит. по: Бусловская Л. А. Чехов и Бунин // Крымские пенаты. 1996. — № 3. С. 24.

Аннотация. В докладе приведены результаты исследования отношения к творчеству А. П. Чехова в иммигрантской среде русскоязычной творческой интеллигенции, проведённого автором в Атланте (штат Джорджия, США) в 2010 году и посвящённого 150-летию со дня рождения писателя. Результаты исследования показали, что, не смотря на сокращение интереса молодёжи к чтению, наблюдается стабильный интерес молодёжи к творчеству Чехова в США. Происходит это, в основном, за счёт обязательного изучения творчества Чехова в школах штата, периодически возобновляемых постановках пьес Чехова на сценах различных театров, наличие доступных переводов аудиокниг и художественных фильмов. Особое внимание уделено критике отрицательного отношения к творчеству Чехова известного культуролога и литературоведа, профессора М. Эпштейна, проживающего в Атланте.

Ключевые слова: Чехов, русская иммиграция, США, Атланта.